

— №1 —

Люди ехали в поезде.

Уютное купе позвякивало стаканами с вечерним чаем, убаюкивало мерным стуком колес...

А за окном гремело и несло прочь потустороннее пространство, с громадными ночными тенями и далекими огоньками призрачных деревень.

Выхваченные на секунду из темноты, фрагменты вне-поездной жизни казались нереальными.

Как те люди, снаружи, могли выжить среди этого бескрайнего океана волчьей тьмы?

Вот пятно света вокруг придорожного фонаря, на нем будка с беззвучно лающей собакой.

Вот парень и девушка, окна проезжающего поезда бегут по ним желтыми кадрами диафильма. Они держатся за руки, смотрят на нас, рядом велосипед... Неужели они настоящие, что они там делают?

Люди, ехавшие в поезде, мечтательно всматривались в эту тьму. Островки простой и такой человеческой жизни, отвоєванные огоньками безвестных полустанков у океана несущихся призрачных теней, казались им счастьем. «Все едем, да едем... А куда, зачем — не знаем», — сказал кто-то...

Никто ему не ответил.

Все и так было ясно.

* * *

А что же те люди, те робинзоны, эльфы, живущие на островках света: о чем думали они, когда грохочущий и переливающийся огнями окон поезд врвался в их волшебные края?

Они, конечно, смотрели на него.

Разве можно не смотреть на несущийся куда-то вдаль поезд?

Разве можно не думать, особенно ночью, куда, за какие горизонты он спешит? Может, утро его встретит криками чаек в просоленном портовом городе, а может — гулким эхом горных тоннелей?

Люди, не ехавшие в поезде, делали свои обычные дела и думали, что нет большего счастья, чем быть частью этой грохочущей стрелы, этой юркой змейки на теле земли. Нестись по бескрайним просторам, так явно оставляя прошлое позади и так явно и стремительно бросаясь навстречу своему будущему.

И, в то же самое время, просто пить чай, беседуя о жизни со случайным попутчиком и забывая, забывая о мире вне уютного купе, засыпать под стук колес и просыпаться ночью: "Что это за станция?", — и нестись, нестись дальше...

* * *

Так думали люди, и изнутри и снаружи, пытаясь за секунду всмотреться друг в друга и что-то понять, и не понимали, и вздыхали, и — "так о чем мы говорили?", — возвращались к своим разговорам и обычным делам.

Ну а потом все разговоры и дела кончились.

Так неожиданно кончается пустым крючком леска, вытаскиваемая из воды.

И те, и другие легли спать, и на утро проснулись, как всегда...

И что?

...

И ничего. Вот и всё...

Что - всё?..

... ..

Всё - зря...

— №2 —

Основной вопрос при просмотре светской хроники – всех этих яхт на фоне сладко сжимающей сердце синевы, вечеринок со взмахами подолов платьев и ресниц – основной вопрос, который возникает у зрителя: почему я не на их месте?

Я и круче и остроумнее (думают парни); и моложе и красивее (думают девушки); и синее море люблю больше (я уж точно); и ресницами взмахиваю ярче (знаю таких)...

И у зрителя появляется ощущение какой-то ошибки, какой-то подмены детей, как, к несчастью, бывает в роддомах, но только тут – на других, космических планах.

Поменяли судьбу и теперь её показывают: вот где ты, твоя семья и дом, — должны быть. Не здесь, в серой яме обыденности, куда твоя жизнь по ошибке провалилась, а там, по ту сторону яркого телевизионного экрана.

И вот космос, в попытке исправить это недоразумение, показывает зрителю цель и намекает: переселяйся туда.

Например, прочти "Обмен разумами" Роберта Шекли и загружай своё сознание в то тело, исправляй оплошность вселенского аиста, разносящего души по вертящимся в животах детям...

Люди чувствуют этот намёк, чувствуют эту ошибку судьбы, но в обмен разумами не верят, пытаются переселиться в то, несбывшееся, целиком, вместе с телом: пролезть, пробиться, ухватиться, устроиться...

А что же люди по ту сторону экрана?

Ведь, если они заняли место какого-то зрителя, то, значит, и они тоже попали туда по ошибке.

И действительно, задумавшись, чаще всего они чувствуют, что хотели бы чего-то иного, неясного, несбывшегося.

Может поэтому и пытаются заглушить это чувство наркотиками, дорогим алкоголем или громкой музыкой на шикарных яхтах.

Миллионеры считают лучшим лакомством селёдку с картошкой, победители конкурсов не считают, что им повезло, а знаменитые актрисы хотят быть неузнаваемыми на улицах...

Давным-давно, в сказочном городе Лиссе, герой Александра Грина смотрел на море из огромного окна снятой им солнечной комнаты и думал о власти Несбывшегося: "Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, Несбывшееся зовет нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов... Между тем время проходит, и мы плывем мимо высоких, туманных берегов Несбывшегося, толкуя о делах дня."

Море Лисса с тех пор обмелело, исчезли когда-то бескрайние просторы где капитаны-первооткрыватели всматривались в очертания новых континентов в туманной дали.

Несбывшееся ушло из сказочных стран Грина, где оно было разлито рассветной акварелью по горизонтам и – потеряв свою таинственность и романтическую недостижимость – переселилось в экран телевизора.

И только бессонными ночами, когда люди в ячейках окон многоэтажек отключаются от жужжащего вокруг информационного поля и погружаются в своё собственное, не до конца обмелевшее море-подсознание, Несбывшееся приходит к ним – как когда-то к жителю сказочного Лисса.

Но теперь уже мрачнее, «ночнее»: тревожной бессонницей и тоской по уходящей и всё ещё бессмысленной жизни. Тогда кажется, что ты не отсюда, что жизнь — не твоя, и что где-то, на далёком перекрёстке прошлого, как предупреждал Макаревич, ты свернул не туда.

Но потом, уже днём, когда тёмная реальность бессонной ночи затёрлась, заглушилась гудением информации, затянулась обычной жизнью — всё равно остаются какие-то дырки в картинке окружающего мира, через которые проглядывают другие параллельные миры, где у тебя другая судьба.

Например: остановишься перед картиной горного пейзажа – и он покажется знакомым, как будто в

какой-то другой жизни ты видел всё это из своего окна... Поэтому и сейчас – увидел и пейзаж ожил в твоих воспоминаниях, зашевелилась листва, поплыли облака, и солнце брызнуло через них, через раму, прямо в глаза...

Но тряхнул головой — и исчезла трёхмерность, окно в другую жизнь снова превратилось в полотно картины.

Или например: идёшь в толпе и вдруг – в улыбке, в самых дырочках-зрачках посмотревшей на тебя проходящей женщины – мелькнёт, как в замочной скважине, мир где у тебя другая семья.

Мелькнёт – и проходит мимо навсегда.

Мимолётное касание душ, встречавшихся где-то в иных жизнях.

Квантовая механика не отвечает на философский вопрос "почему невозможно предугадать какое именно, из всех возможных, событие произойдёт".

Но есть интерпретация Эверетта, согласно которой не один, а все альтернативные события происходят – но в разных, параллельных вселенных.

Мир расщепляется каждый раз, когда возможны несколько вариантов.

И вот, миллиарды параллельных версий твоей жизни зовут тебя странным, похожим на ностальгию, чувством.

Как море зовёт моряка тысячами неоткрытых островов, так и Несбывшееся зовёт тебя миллиардами неосуществлённых судеб...

* * *

Где же среди них он, тот, лучший из всех, мир, созданный специально для меня?

У психологов есть мнение что каждый гениален, но не может найти в чём. Например, все гениальные программисты, жившие в каменном веке – попали туда по ошибке судьбы.

Их счастливый мир — родиться сейчас. А между тем каменный век занимал 99% истории, а значит природа, равномерно тасующая гены и таланты, накидала 99% всех гениальных программистов именно в те древние пещеры, вместо того, чтобы концентрированно выбросить их в 21ом веке.

Как бы нас всех перетасовать заново, чтобы среди миллиардов параллельных миров и времён каждый попал бы в свою счастливую вселенную?

А с другой стороны, нужно ли туда попадать? Ведь душа, как жемчужина в раковине, растёт только чувствуя несовершенство окружающего мира.

Если бы не было Несбывшегося, то не слышен был бы его зов — ни в рассветающем морском горизонте, ни в нагромождениях сверкающих гор, ни в огнях ночных городов, ни в недостижимой звёздной пыли.

Если бы я был старцем-отшельником, или тибетским мудрецом — я бы всем советовал создавать Несбывшееся. Как в одном советском фильме, молодого солдата, после войны, зовут уехать на стройку в Сибирь. И на его возражения "да вы что, я родителей 4 года не видел, в своей деревне не бывал", улыбаются: "вот и будешь о ней думать, и хотеть вернуться, и знать, что уже никогда не вернёшься... очень это для души хорошо, тосковать".

И главное: если бы не было Несбывшегося, то нельзя было бы почувствовать кто я-настоящий, очищенный от влияния времён и миров.

Этот я, один для всех вселенных —

и родившийся в той картине горного пейзажа, смотрящий на него, как я, но не на картине, а из настоящего окна;

и родившийся в каменном веке, смотрящий, как я, на тот же, неизменный, млечный путь над древней Землёй;

и даже тот далёкий, смотрящий на меня сейчас из млечного пути, из этого следующего витка галактики — так что наше, далёкое от него, звёздное небо, тоже кажется ему всего лишь призрачной белёсой дорожкой среди неведомых нам созвездий.

— №3 —

У меня было двое похожих знакомых — оба Алексея и оба всегда были душой компании. Один был похож на поэта Есенина, и тоже писал стихи, другой — на клоуна Лейкина, и тоже постоянно шутил.

И обоим было некуда девать свою энергию: душа компании — штучный и трудно-конвертируемый в профессию талант.

Оба, на многочисленных вечеринках, которые они скрепляли вокруг себя, пили всё больше...

Всё раньше отрубались они где-то в глубине квартиры, пропуская — и прогулки с озябше-льнувшими девушками на излёте тающей ночи; и финальный урбанистически-дымчатый рассвет, когда бескрайние спальные районы космически окружали зябко курящую на балконе компанию... и тусклое солнце завтрашнего дня поднималось уже не для них.

И вот, следы Лёши-"Лейкина" затерялись: последняя информация о нём была из мест службы — как он раз проснулся от команды "Па-а-адъём!!!" сотрясавшей всё здание и проникавшей даже в далёкую кабинку с заблёванным унитазом — в обнимку с которым, он, собственно, и просыпался... А Лёша-"Есенин" умер.

Или другой пример:

я часто бывал у родственников в деревне: сколько там историй про то, как некий сосед, первый парень на деревне, гармонист, тракторист или просто обаятельный и всеми любимый — неожиданно опустил, пропил все свои таланты, испортил свою, так ярко начинающуюся жизнь.

Или в литературе: сколько рассказов про то, каким ярким, мечтающим был человек в молодости. А потом как-то не повезло, не устроился, спился, страдает.

И все разговоры у него о прошлом: "да ты знаешь, кем я был?.. Эх, не понимаешь...", — и махом опрокидывается в глотку очередной стакан — всё что у него осталось в настоящем. А в будущем — вообще ничего, кроме надвигающейся могильной тьмы.

Авторы таких рассказов сокрушаются об упущенных героем возможностях, показывают, каким могло бы быть будущее героя, если бы не пристрастие к выпивке. И читатель серьёзно кивает: да, да, пьянство — причина того, что будущего нет.

А мне кажется, что, наоборот: какое-то глубокое, подсознательное чувство отсутствия будущего — это причина пьянства.

Есть у человека такие странные предчувствия: где-то в тёмной глубине души человек ощущает страшные, потусторонние вещи: некоторые чувствуют, что скоро умрут, некоторые чувствуют, что будущего у них нет.

И всё это фаталистично, непоправимо.

Такие предчувствия приходят из параллельного закулисного мира — того, где располагаются пружины и шестерёнки,двигающие нас по сцене нашей видимой реальности.

Поэтому не человек управляет этими чувствами, а наоборот, они им — будь то роковая любовь, фатальные предчувствия или, неизвестно откуда взявшееся, смутное знание, что будущего в этой жизни для тебя не предусмотрено. Что его не завезли на тот мистический склад, с которого судьба отправляет тебе подарки. И теперь на этот склад можно занимать очередь, можно его брать штурмом — как в голливудских фильмах, перекормленных ложными установками на то, что вера в свою американскую мечту сметёт любые препятствия и возьмёт любые склады судьбы...

Да, возьмёт, но, сметя складские ворота, ворвётся в совершенно пустое хранилище.

Поэтому, даже в этих, полностью выдуманных, фильмах, если у кого-то появляются, в глубине души, фатальные предчувствия, сценарист не смеет вырулить на пошлый хэппиэнд.

Не говоря уже о реальности...

Действительно: кем мог бы стать Лёша-"Есенин", если бы не алкоголь?

Не верю, что его бы приняли в тусовку столичных поэтов, стали печатать в их журналах и

приглашать на выступления.

Оставьте это для тех самых голливудских фильмов.

А небесный сценарист редко завозит такое будущее: пару последних доставок было сделано для поэтов-шестидесятников.

Лёша-"Есенин", в лучшем случае, мог бы опуститься к одностишиям и стать вторым Вишневским.

А, скорее всего, стал бы обывателем: "Лёх, а как стихи-то, пишешь?" — "Да что ты, какие стихи, повысили до помощника менеджера по поставкам, да и ремонт ждёт..."

Хотел ли он этого?.. Нет конечно. Вместо этого, он чувствовал ту самую пустоту будущего, которую заливают все пьяницы.

Перечитайте любой рассказ про пропитые перспективы — и увидите, что, несмотря на морализаторство автора, с самого начала у героя не было будущего.

С самого начала, как бы странно это ни звучало, всё было в прошлом.

И рассказ окажется глубже, чем он был задуман, и будет понятно, что всегда пьют от отсутствия завтрашнего дня.

Те, кто не может смириться с этим отсутствием — заглушают отсутствие будущего выпивкой.

Те, кто может — набивают жизнь бессмысленными делами и самодисциплиной: чтобы для фатальных мыслей не было места.

Или заглушают эти мысли дурацким хобби.

И вот я — зачем всё это пишу? Кто это будет читать, кому это поможет? Сейчас закрою ноутбук и попробую заняться хобби: клеить маленькие модельки кораблей. Тех самых, под парусами которых я, в юности, мечтал плыть к берегам Несбывшегося. Тех самых, которые, в отличие от моторных судов, умеют в полной тишине плыть по ночному океану — когда мироздание и само не понимает, где верх, а где низ — и сети парусов начинают загребать обильные, как планктон, звёзды.

Мачты моделек нагибаются, чтобы их можно было специальным пинцетом, через горлышко, поместить в бутылку. Там они расправляют свои паруса и обратно вытащить уже нельзя.

